

МАГ НА ПОЛСТАВКИ

РИ ХВАН

Ри Хван

I - Маг на полставки

«Автор»

2026

Хван Р.

I - Маг на полставки / Р. Хван — «Автор», 2026

Представь: ты бухгалтер, который не может сдать отчёт уже месяц, твой лучший друг — фикус, а главный страх в жизни — выбрать неправильную зубную пасту. И тут бабушка говорит: «Ты потомственный маг. У тебя 30 дней на одно желание. Иначе род прервётся». Проблема только одна: ты понятия не имеешь, чего хочешь. «Маг на полставки» — это история о парне, который идёт на курсы магии в подвал нью-йоркского бара, учится поднимать ложку взглядом (спойлер: не получается) и в конце концов решает исполнить не своё желание, а чужое — помочь подруге-художнице, которая раздавлена критикой родителей и бросила рисовать. Дальше — ложь, фальшивые дипломы, букет кактусов вместо цветов, враг-бармен с трагическим прошлым и полное фиаско всех попыток «правильно колдовать». А в финале — портрет, который улыбается сам собой, хотя его автор не улыбался.

© Хван Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Плейлист	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

I - Маг на полставки

Плейлист

10 CM – Now Heres Enough
The Weeknd – Save Your Tears
V – Rainy Days
Stray Kids – Collision
Seventeen – F*ck My Life
Linkin Park – One More Light
Jungkook – Too Sad to Dance

Глава 1

Мигающий курсор. Нескончаемо мигающий курсор.

Дэн считал — он мигнул уже сорок восемь раз. После тридцатого это мигание перестало казаться механическим. Будто зелёный огонёк подмигивал ему, пытался замотивировать на свершения, и Дэниел почти купился. Но вскоре глаза защипало, и вся магия момента иссякла. Как и количество миганий курсора. Но можно допустить, что они перевалили за пятьдесят.

«Отчёт по расходам Q3».

Семь вариантов первого абзаца. Все стёрты. Восьмой начинался со слова «Уважаемый», но кому он адресован? Начальнику? Аудиторской палате? Самому себе вчерашнему, который обещал сделать это до обеда? Дэн потёр переносицу. Вчерашний Дэн был идиотом. Сегодняшний — трусом. А завтрашний, наверное, просто уволенным.

На столе стикеры. Много стикеров. Крайне много. «Сделать!» — написано красным, но красный выцвел до бледно-розового из-за давности и агрессивных солнечных лучей, которые иногда посещали скромную обитель офисного клерка. «Срочно!» — жёлтый превратился в цвет невытой простыни, от представления которой появлялись не самые приятные позывы. «Дедлайн вчера!» — этот вообще держался на честном слове и кусочке скотча, который уже не клеил. Не стоило говорить, что это далеко не первый кусочек и что далеко не первый день это волшебное «вчера» маячило перед глазами. Дэн потянул за уголок — стикер оторвался без сопротивления. Упал на клавиатуру, перекрыл букву F.

Молодой человек даже не стремился его убирать. Пусть лежит. Ещё одна могилка на кладбище несданных обещаний.

Кофейная кружка стояла справа от монитора. Надпись: «Самый хороший бухгалтер в мире». Кто-то из бывших коллег подарил на прощание с другого проекта, лицо дарившего никак не могло всплыть в памяти. Смысл тогда ускользнул: не хороший, а «посредственнейший», так пояснили коллеги — это же оскорбление? Но все смеялись, и Дэн тоже засмеялся. Он не любил отставать от коллектива. Кофе внутри давно остыл. Плёнка. Он всё равно сделал глоток — комок горечи скользнул в горло. Этот вкус был чем-то одновременно родным и до жути мерзким. Но от такого «хорошие бухгалтера» не отказываются.

В голове был список. Чёткий, понятный, но от этого он не попадал в число горячо любимых.

Пятнадцать пунктов. Первый: «Сдать отчёт». Второй: «Позвонить стоматологу». Третий: «Купить лампочку в прихожую». Четвёртый: «Ответить маме». Пятый: «Разобрать коробки». Шестой он забыл ещё утром, но чувствовал, что он важный. Седьмой тоже забыл. С восьмого по пятнадцатый висели как невидимые крючки — пустые, но от них тянуло тяжестью. Он не начал ни одного. В этом было какое-то особое мастерство.

Бабушка говорила: «У тебя есть воля, просто ты боишься её заметить». Ей было семьдесят два, она красила волосы в синее и раз в месяц писала рассказы в местную газету. Иногда эти рассказы абсолютно не сочетались с классическим образом бабушки, который мог возникнуть в голове, поэтому лишний раз «внук года» предпочитал пропускать страницу с этим разделом. Дэн тогда сидел на полу её кухни и разбирал пазл с лошадьми. Крайние детали потерялись, и он никак не мог найти, с чего начать. «Я не боюсь, — сказал он. — Я просто не знаю, какую деталь взять первой». Бабушка усмехнулась. Помолчала. Поставила перед ним чашку с какао. «Ты берёшь любую. Даже неправильную. А потом смотришь, что получилось». Деталь была зелёной. Она подошла к небу. Он тогда бросил пазл и пошёл гулять.

Телефон завибрировал.

Не сообщение, а лучше бы было оно. Забавно осознавать, как звонки стали поводом для стресса и новых приступов тревоги у нынешней молодёжи, только что вышедшей на работу

в своих модных костюмчиках. Экран высветил: «Дж. Уитакер, нач. отдела». Дэн смотрел, как вибрирует корпус, двигаясь по столу миллиметровыми рывками. Пять секунд. Десять. Он мог бы не брать. Мог сделать вид, что уснул за клавиатурой. Или что он вообще не рядом с телефоном, он же работает! Но палец уже нажал зелёную трубку — потому что если не сейчас, то завтра будет хуже. Так всегда.

— Бреннан, — голос на той стороне звонка не был громким или крикливым, скорее усталым, с привкусом чего-то кислого, как перестоявший на солнце чай.

— Да, сэр, — в голове молодого человека пролетели все молитвы во спасение за долю секунды.

— Ты знаешь, который час? — вся та же усталость в голосе начала размешиваться с новой эмоцией, с лёгким раздражением или даже с разочарованием.

Дэн посмотрел на угол экрана. 00:23. Но Уитакер не про время, он про другое. И это ощущалось не только в его вопросе, а в паузах, ожидающих виноватого ответа.

— Половина первого, — сказал Дэн, умоляя все высшие силы, чтобы стул под ним не провалился на уровень преисподней.

Пауза. В трубке слышалось тяжёлое раздражённое дыхание. Как у человека, который перебирает старые носки в поисках пары и находит только дырявые. А с такими людьми, кто никак не может найти подходящие носки, связываться совсем не хотелось. Это ведь сущие демоны.

— Я тут один сию, правки вношу. Твои правки, Бреннан. Которые ты должен был внести ещё во вторник, — тон голоса упал на несколько губительных октав.

— Я... — начал было Дэн, но он ощущал, что это сражение ему никогда не выиграть, даже белый флаг не поднять, ведь руки ему вырвали до основания.

— Не надо. Просто пришли отчёт. Я его подпишу, лягу спать, и у нас всех будет хороший день, — устало произнёс начальник отдела, будто сам разговор со своим подчинённым причинял ему физическую боль.

Хороший день. Дэн чуть не усмехнулся. У него не было хороших дней с тех пор, как он перестал врать себе, что они у него были. Можно было, конечно, предаться приятным воспоминаниям, но это был явно не тот момент.

— Отчёт, — повторил Уитакер, — сейчас.

Короткие гудки. Спасибо, босс.

Дэн положил телефон экраном вниз. Посмотрел на курсор. Тот всё мигал. Сколько миганий он пропустил за этот унижительный звонок? Одну сотню или все две? Он потянулся к мышке, выделил «Уважаемый», нажал без сожалений «Удалить». Потом закрыл ноутбук. Не выключил — просто захлопнул крышку. В голове это выглядело киношно, будто он главный герой какого-то драматичного фильма, где ещё немного — и он сделает что-то немыслимое. Но Дэн всё ещё находился на своём месте: крылья не выросли, глаза не стали лазерами, спина так и болела от дешёвого офисного стула. Вентиляторы внутри ещё секунду сопротивлялись и затихли.

На лестнице было темно, но это была привычная темнота, почти родная. Офис на восьмом этаже, лифты после полуночи отключают — экономия, но всем утверждают, что это ради экологии. Дэн спускался пешком, держась за перила, чтобы к этому «радостному» рабочему дню не добавилась свёрнутая нога под неестественным углом. На площадке между пятым и четвёртым пахло хлоркой — уборщица, видимо, прошла пару часов назад. Или неделю назад. Разница в этом запахе не чувствовалась. Он будто въедался в каждый миллиметр и не собирался покидать свои новые владения.

Улица встретила сыростью. Нижний Манхэттен спал — насколько вообще может спать этот район. Где-то вдалеке сигналила машина, но так лениво, будто водитель уже устал на неё давить. Дэн шёл к метро, хотя мог бы взять такси. Но в метро сейчас никого. Пустые вагоны.

Можно сесть у двери и смотреть в черноту тоннеля, пока в голове не перестанет гулко биться испуганное сердце. Молодой человек думал, что именно такое биение может быть у лесной мышки, встретившей лису. Хотя есть ли такие мыши? Дэн не был силён в ботанике, не его вопрос. Но мышкой после звонка начальника он точно ощущал.

Вагон действительно был пустым. Только мужчина в дальнем конце с пластиковым пакетом, полным банок, и женщина, которая спала, уронив голову на плечо соседнего сиденья. Иногда таким пассажирам даже хотелось завидовать — хоть глазком посмотреть, чем занят их день. Особенно у мужчины с его уловом. Дэн сел, прислонился к холодному стеклу. Достал телефон. Проверил почту — пусто. Сообщения — мама написала в семь вечера: «Как дела?», он не ответил. Набрал «Норм», стёр. Набрал «Потом позвоню», стёр. Оставил пустым. Всё, как всегда.

Куинс встретил его запахом мокрого асфальта и жареного лука от круглосуточной закуской на углу. От этого запаха неприятно заурчало в животе, и Дэн попытался вспомнить, во сколько он ел сегодня. Но зачем тревожить сердце испуганной лесной мышки ещё одним удручающим событием? Ключ в замке повернулся со второго раза — первый всегда заедал, но Дэн каждый раз забывал, что нужно чуть надавить вниз.

В прихожей горела лампочка. Нет, не горела — тускло светилась, как будто вот-вот переключается. Света хватало только на то, чтобы увидеть силуэты: вешалка, два ботинка, зонт, который он так и не починил. В этом доме точно не хватало внимания, но Дэну и на себя внимания не хватало. Куда уж там до лампочки и старого зонта.

На столе — там, где обычно лежали ключи и неоплаченные счета, — стояла коробка.

Картонная, обычная, перевязанная бечёвкой. Без обратного адреса. Только имя: «Дэниелу Бреннану». Написано от руки, синими чернилами, с нажимом — буквы почти прорезали картон.

Дэн замер.

Он не заказывал ничего. Его средства не позволят ему постоянно зависать на сайтах, чтобы в случайный день получить доставку. Никто не говорил о посылке. Соседка снизу обычно забирала, но она сейчас у дочери в Филадельфии. Да и мало кому нужно отправлять ему посылку.

Внутри что-то стукнуло. Тихо. Деревяннo. Как будто маленькая сухая палка упала и ударилась о стенку. В голове почему-то вспомнился фильм «Джуманджи», где стуки в коробке не предвещали ничего хорошего, но что-то захватывающее точно обещали.

Дэн не дёрнулся. Стоял в дверях, в куртке, с рюкзаком на одном плече. Будто он просто решил осмотреть свои владения в верхней одежде. Смотрел на бечёвку. Узел странный — если потянуть за один конец, развяжется сам. Он видел такие на бабушкиных свитерах, когда она учила его вязать. «Это называется "бабий узел", — говорила она. — Дурацкое название. На самом деле — самый умный».

Он не потянул, но, признаться честно, хотелось так, аж ладони начали зудеть. Коробка стукнула снова. Громче. И затихла. Возникла мысль, что если там и правда игра из девяностых, то офисный клерк был бы не прочь сменить бетонную клетку на джунгли.

Дэн снял рюкзак. Поставил на пол. Снял куртку — повесил на вешалку, промахнулся, она упала на ботинки. Он не поднял. Подошёл к столу. Ближе. Ещё ближе. Пальцы зависли в трёх сантиметрах от бечёвки. Он чувствовал тепло от картона — или ему казалось? — и слабый запах. Древесина. И что-то ещё. Ваниль? Старая бумага?

Коробка стукнула в третий раз. Громче, настойчивее.

И замерла.

Будто ждала, когда он решится. Будто знала, что он боится. Но в отличие от Уитакера, от отчёта, от списка из пятнадцати дел — эта коробка не давила. Она просто была. И внутри что-то стучало. Деревяннo, ритмично, как пульс.

Дэн не дёрнул за бечёвку.

Он вообще ничего не дёргал. Просто стоял и смотрел. И в первый раз за долгую ночь ему показалось, что курсор внутри его головы перестал мигать. На секунду. Всего на одну.

Глава 2

Он потянул за конец бечёвки — и узел развязался сам. Не как обычный, который надо мучить минуту, подцепляя ногтями. А просто: дёрнул, и верёвка упала на стол, свернувшись коричневой улиткой. Дэн даже не понял, что сделал — пальцы дёрнулись раньше, чем мозг сказал «не трогай». В этом было что-то из детства, того самого, когда родители покупали подарок для далёкого родственника и строго-настрого запрещали заглядывать внутрь. А ты всё равно заглядывал, подцепляя край скотча ногтем, и находил там бутылку с янтарной жидкостью. Взрослые не умели придумывать подарки. Или умели, но прятали это умение глубоко, вместе с несбывшимися мечтами.

Картонные клапаны торчали вверх, как уши любопытного щенка. Он откинул их — и внутри что-то блеснуло.

Ткань. Мешковина, грубая, в пыли, пахнущая чердаком и временем. Если бы Дэн увлекался археологией или смотрел больше каналов про древности — может, засиял бы от восторга. Но он был бухгалтером, который не мог сдать отчёт, поэтому для него это была просто старая тряпка, которую хотелось поскорее выкинуть. Хотелось бы верить, что на ней не было ничего заразного. Дэн вытащил её — под ней лежали предметы, расставленные как на витрине. Не просто накиданы, а аккуратно разложены: жезл слева, кубок в центре, справа меч, монета на уголке. Они казались приклеенными к своим местам, и что-то внутри подсказывало: закрой коробку, выкинь в мусоропровод и забудь, как страшный сон. Но любопытство дорогого стоит. Особенно в час ночи, когда мозг уже отключился, а руки живут своей жизнью.

Он взял жезл.

Дерево тёмное, почти чёрное. Длина с предплечье, толщина в два пальца. Вся поверхность в царапинах — не мелких, а глубоких, как будто по нему драли когтями. Или зубами. Дэн даже задумался: какое животное способно на такое? И кто вообще дал бы зверю поиграть с этой штукой? Он провёл пальцем по одной царапине — ноготь провалился в борозду. На конце выжжена буква «W» — криво, с ожогами по краям, будто жгли раскалённой проволокой. В голове сразу возник образ средневековых кузнецов из «Властелина колец», которые часами ковали нечто подобное, напевая песни про хоббитов.

И жезл был тёплым.

В комнате градусов семнадцать — обогреватель сломался ещё в прошлом ноябре, Дэн так и не вызвал мастера, потому что вызывать кого-то — это надо сначала выбрать из списка, а выбор, как известно, был его главным врагом после страха. Окна пластиковые, но дует откуда-то из щелей. Холодно. Но жезл лежал в ладони как живой. Тепло шло от дерева — или ему только казалось? Он зажал жезл в кулаке, подержал пять секунд. Нет, не казалось. Реальное тепло. Как от кружки с чаем, которую забыл на столе на десять минут.

— Так, — сказал он вслух, и голос в пустой прихожей прозвучал глухо, как в подземном гараже из какого-нибудь боевика, — это... это просто дерево. Дерево может быть тёплым. Если его нагрели.

Объяснение казалось логичным, как теорема Пифагора, которую он помнил со школы, хотя никогда не пользовался. Но кто нагрел? Посылка пришла неизвестно откуда. На обратном пути с работы он заскочил в магазин за хлебом и молоком — коробки не было. Значит, принесли, пока он сидел в офисе и смотрел на мигающий курсор. Курьер. Или соседка. Или тайный поклонник, который решил, что магические палки — лучший способ знакомства.

Он поставил жезл на стол. Тот стукнул сухо, деревянно, как ступенька старой лестницы в фильме ужасов.

Дальше кубок. Серебро, но потускневшее, почти чёрное по краям. Низкий, на короткой ножке, больше похож на стопку для виски, чем на священный Грааль. А жаль — Дэну очень

нравилась экранизация «Кода да Винчи». Он поднял — тяжелее, чем кажется. Дно толстое, с пятном. Красновато-коричневое, вьёвшееся в металл. Вино? Кровь? Он понюхал — ничего. И хорошо. Кто знает, что было бы, если бы он и правда почувствовал кровь. Тогда бы точно пришлось вызывать тех, кто в белых халатах. Но были только холодный металл и пыль — как в старом шкафу у бабушки, который никто не открывал годами.

Он поставил кубок рядом с жезлом. На белой столешнице — Дэн не мыл её неделю, крошки от печенья, круги от кружек, — серебро смотрелось чужим, как аристократ, случайно попавший в его берлогу. Кубок всем своим видом показывал, что ему срочно нужно обратно, к своей обстановке, к свечам и бархату.

Игрушечный меч. Деревянный, покрашен серебрянкой, но краска облезла пластами — как старая стена в подъезде, где Дэн жил в студенчестве. Рукоять короткая, обмотанная синей изолентой — не профессионально, а как ребёнок делал, торопясь и сглаживая складки. Дэн взял, попробовал согнуть. Не гнётся. Крепкий, из твёрдой породы. Длина сантиметров тридцать. На лезвии царапины — не от когтей, от других игрушечных мечей. Глупый. Бесполезный. Как третий лишний в компании, которого никто не звал, но он пришёл.

Монета. Медная, с дырочкой, как на старом шнурке от ботинка. Диаметр с ноготь большого пальца. На одной стороне — профиль, стёртый до гладкости, только контур носа и подбородка. На другой — цифры. 1943. Или 1948? Третья цифра не читалась, металл съел её. Кто-то из семьи собирал монеты. Дэн помнил, как в детстве листал огромные альбомы — размером с половину его детского тела, — и не понимал, зачем всё это собирать, когда можно потратить деньги на мороженое с шоколадной крошкой. Но даже те монеты из альбома не могли сравниться с этой. Она была странной. Пугающей, даже в какой-то степени, как будто видела историю, которой не место в обычной квартире.

В самом низу коробки — открытка.

Бумага плотная, кремовая, с водяными знаками — Дэн увидел на свету буквы «М» и «Р», переплетённые. Почерк круглый, детский — буквы пляшут, наклон меняется от слова к слову. Над «ё» нарисованы сердечки. Не точки — маленькие закрашенные сердечки, похожие на те, что украшают тетрадки школьников. Молодой человек с первых секунд узнал этот причудливый почерк, который не спутать ни с каким другим.

«С днём рождения, внук! Тебе двадцать шесть? Или двадцать седьмой? Я всегда путаю. Главное — ты потомственный маг. Да-да, не смейся. Приезжай в Бруклин, покажу тебе, почему твой фикус всё ещё жив.

Обнимаю, бабушка М.

P.S. Меч не игрушка. Но ты пока не берись — порежешься.

P.P.S. Жезл — твой. Не потеряй. Он тебя сам найдёт, если потеряешь, но лучше не рисковать».

Дэн перечитал три раза. Потом четвёртый. Потом положил открытку на стол и уставился в стену с обоями в цветочек, которые клеил ещё прошлый жилец. Потом протёр глаза и попытался вспомнить, сколько кружек кофе он выпил за последнюю неделю — чтобы понять, не начались ли у него галлюцинации.

Потомственный маг.

Бабушка М.

Маргарет. Марго. Она всегда была странной — в хорошем смысле. Синие волосы. Рассказы про ведьм из Восточной Европы. Однажды, когда Дэну было десять, она показала ему «настоящее заклинание от комаров» — смесь лавандового масла, чеснока и чего-то ещё из аптечки. Комары действительно улетели. Но это же просто репеллент, да? Сейчас, в двадцать шесть, Дэн понимал: такие странные родственники есть в каждой семье. Но Марго определённо могла дать фору всем — даже тому дяде, который на Рождество надевает костюм Санты и пытается говорить голосом Элвиса Пресли.

Он взял телефон. Нашёл контакт: «Бабушка М.» — фото прошлогоднее, она улыбается в камеру, на голове вязаная шапка с помпоном и ушами. Кто вообще вяжет шапку с ушами в семьдесят два года? Но у Марго на всё были свои объяснения. Например, эта шапка не даёт грозам попадать ей прямо в голову, потому что молния боится запутаться в ушках. Наверное, всё дело в нитках. И в том, как часто Марго связывалась с космосом.

Дэн нажал вызов.

Гудки. Первый — длинный, как вздох. Второй — короче. Третий — Дэн уже подумал, что не ответит, и представил, как бабушка спит, укрывшись вязаным пледом, хотя уже час ночи. Четвёртый — он ощутил, как в груди разрастается тревога. Пятый — палец завис над красной кнопкой. На шестом — щелчок.

— Дэниел! — голос бодрый, как утренний диктор на радио, который пьёт слишком много кофе и считает, что мир должен радоваться каждому новому дню, — А я ждала, когда ты позвонишь. Думала, раньше. У тебя же день рождения был три дня назад.

— Ты прислала посылку, — сказал Дэн. Не вопрос, а утверждение, как приговор.

— Ага, — ответила та, будто речь шла о погоде или о том, что хлеб опять подорожал.

— Бабушка, там жезл, — не выдержав, выпалил внук, чувствуя, как закипает где-то внутри странный коктейль из любопытства и раздражения.

— Угу. Ты его уже трогал? Тёплый? — столько воодушевления можно услышать от ребёнка, когда ему предлагают угадать, куда семья поедет на летние каникулы, а не от женщины за семьдесят.

Дэн замолчал. Посмотрел на жезл — тот лежал на столе, и в тусклом свете лампы буква «W» отбрасывала крошечную тень на стену, похожую на вопросительный знак. Насколько всё было реально сейчас? Может, он просто отрубился в офисе, и это всё снится? Но сны не пахнут деревом и не бывают такими липкими?

— Тёплый, — признался он после паузы, и голос его прозвучал сдающим.

— Ну вот видишь. Значит, твой. У каждого своя температура. У твоего деда был ледяной — я его зимой боялась брать в руки. А у тебя тёплый. Как у меня, — всё это было сказано с максимальной обыденностью, словно они обсуждали урожай яблок в этом году или то, что соседская кошка опять родила котят.

На фоне у Марго играл джаз. Труба выводила что-то тягучее, пианино вторило, создавая атмосферу старого фильма, где герои обязательно встречаются на вокзале под дождём. И ещё кто-то храпел. Громко, с присвистом и бульканьем, как старый чайник.

— Бабушка, у тебя кто-то есть? — слегка опешив, спросил Дэн, чувствуя, как его брови ползут вверх.

— Это Генри. Не обращай внимания. Он храпит как трактор, но хороший человек. Приедешь — познакомлю, — молодой человек буквально мог видеть, как Марго отмахнулась в своей привычной манере, не глядя, куда попадёт рукой.

— Ты... — Дэн замялся, вертя в пальцах монету с дырочкой, — Ты живёшь не одна?

— А что такого? Мне семьдесят два, а не сто, — Марго громко фыркнула, и в этом фырканье было столько жизни, что любой двадцатилетний мог бы позавидовать, — и вообще, мы с Генри просто друзья. Он спит на диване. У него своя квартира этажом ниже, но он иногда остаётся, когда мы допоздна играем в карты. Вчера, например, он выиграл у меня два доллара и теперь ходит счастливый.

В трубке зашуршало. Бабушка, видимо, прикрыла микрофон рукой. Голос стал глуше, отстранённое: «Да тише ты, иди в другую комнату, я с внуком говорю». Храп прекратился. Кто-то буркнул неразборчивое — низкий, сонный голос, потом шаги, потом стук двери.

— Всё, — бабушка снова приблизилась к микрофону, — ушёл. Так о чём я? Ах да. Твой фикус, Дэниел. Стив.

— Стив — фикус. Я в курсе, — этот разговор всё больше вводил Дэна в странное состояние, будто все вокруг его разыгрывают, даже злосчастное растение в горшке, которое, кажется, начало подозрительно шевелиться на сквозняке.

— Я помню, что фикус, — в голосе Марго послышалась усталость, но не та, от которой хочется спать, а та, с которой говорят с маленьким ребёнком, который никак не может понять прописные истины, — но он не просто так не засох. Ты его поливаешь раз в полгода, он стоит в тёмном углу, ты даже не разворачиваешь его к солнцу. А он всё равно зелёный. Думаешь, почему?

Дэн открыл рот, чтобы сказать что-то логичное про живучесть растений, про то, что фикусы — выносливые твари, которые переживут даже ядерную зиму. Но слова застряли в горле, потому что он вдруг понял: он действительно не поливал Стива уже две недели. Или три. А Стив стоял себе и даже не думал умирать — наоборот, казался бодрее, чем сам хозяин.

— Ты его поливаешь, когда приходишь в гости, — сказал Дэн, чувствуя, как его голос становится неуверенным, — ты приходишь раз в месяц.

— А в остальные дни? — не унималась Марго, и в её голосе появились нотки победителя, который загнал слона в угол, — Магия, внук. Я его подкармливаю. Дистанционно. Через интернет. Шучу про интернет, но магия — нет.

— Это не работает так, — в отчаянии выдохнул Дэн, чувствуя, как голова начинает болеть, а пальцы сами собой начинают крутить монету с дырочкой.

— Откуда ты знаешь? Ты пробовал? — бабушка никогда не умела сдаваться, и сейчас она демонстрировала это в полный голос, — Сидел, концентрировался, посылал энергию растению? Нет. Ты даже не веришь, что это возможно. Вот оно и не работает для тебя. А для меня — работает. Всё просто: если веришь — работает, если нет — не работает. Как в «Матрице», только вместо ложки — фикус.

Дэн потёр переносицу, массируя переносицу. Головная боль набирала обороты, и он не особо понимал причину этого. Кофе? Отчёты? До безумия странный разговор с бабушкой, которая, кажется, окончательно решила, что двадцать первый век — это скучно, и пора вернуться в эпоху, когда ведьм жгли на кострах?

— Бабушка, послушай, — молодой человек тяжело выдохнул, чувствуя, как воздух выходит из лёгких вместе с остатками терпения, — Спасибо за подарки. Правда. Смешно, оригинально. Но я не... я не могу сейчас приехать. У меня работа. Отчёт. Начальник меня убьёт, если я...

— Твой начальник — придурок, — перебила бабушка. Спокойно, даже ласково, как будто утешала ребёнка, который боится темноты, — я по голосу слышала, когда ты пару раз говорил с ним при мне. У него энергия серая, как тараканья тень. Он высасывает из тебя всё, что можно. Не отвлекайся на него, он того не стоит.

Она помолчала. Джаз на фоне сменился на что-то медленное — саксофон, низкий, тягучий, как патока, которую едят ложками в холодные вечера. Дэн легко представил, как Марго танцует под такую музыку со своим Генри, как они кружатся по кухне, где на плите стоит чайник, а в вазе — пластиковые цветы, и смеются так, будто возраст — это просто цифры на бумажке.

— Приезжай, — сказала она уже тише, почти заговорщически, как будто делилась секретом, который знают только избранные, — расскажу, почему ты не можешь даже отчёт доделать.

Дэн замер. Телефон чуть не выпал из руки, и он поймал его в последний момент, зажав между ухом и плечом.

— Что? — переспросил он, не веря своим ушам.

— Ты слышал, — молодой человек представил, как Марго закатила глаза в явном осуждении, словно он был единственным учеником в классе, который не выучил таблицу умножения, — сидишь в офисе до полуночи, пялишься в экран, не можешь написать первое слово. Дума-

ешь, это лень? Или страх? Или синдром самозванца? Нет, Дэниел. Это просто... настройка сбилась. Как у радио, понимаешь? Ты ловишь не ту волну. Где-то есть помехи. Я помогу.

— Бабушка, это называется прокрастинация, — устало ответил он, чувствуя, как его тело наливается свинцом, — у меня диагностировали, в интернете тест прошёл. Там было двадцать вопросов, и на девятнадцать я ответил «да».

— В интернете, — бабушка усмехнулась, и в этой усмешке было столько снисходительности, сколько бывает у кота, который смотрит на мышь, бегающую по кругу, — ты бы лучше книгу почитал. Настоящую. Из бумаги. Ладно, не будем спорить. Приезжай. Завтра. Или послезавтра. Я в Бруклине, там же, где и всегда. Подвал бара «Суслик» помнишь?

— Ты живёшь в подвале? — в шоке спросил Дэн, вспоминая тёмные лестницы и запах пива.

— Я там работаю. Живу этажом выше, — сказала бабушка так, будто отчитывалась перед родителями за прогулы, — приедешь — стучи три раза. Длинных. И скажи «Моррисон». Это пароль.

— Какой ещё пароль? Ты теперь секретный агент? — порции шока в этот день явно не собирались заканчиваться, как попкорн в кинотеатре на ночном сеансе.

— На всякий случай, — снова отмахнулась та, и Дэн услышал, как она зажигает спичку — чирк, огонь, — Генри иногда выпивает и путает двери. Не бойся, он добрый. Просто большой. И когда он пьян, ему кажется, что он — персонаж из «Крёстного отца». Лучше не рисковать.

Дэн хотел сказать, что он не боится. Что ему некогда. Что он вообще не верит ни в магию, ни в фикусы, которые подкармливают на расстоянии, ни в пароли из фильмов про шпионов. Что он взрослый человек, бухгалтер, у него отчёт, стикеры с выцветшими надписями и начальник с серой энергией.

Многое хотелось сказать.

— У меня нет времени, — услышал вместо этого он свой голос.

Бабушка вздохнула. Долго, с лёгким скрипом — как дверь, которую открывают в первый раз за месяц, и петли протестуют, но не сдаются.

— Время — это просто длинная пауза между двумя важными вещами, — сказала она, и голос её стал мягким, почти невидимым, — я не помню, кто это сказал. Может, я сама. А может, тот парень из фильма про путешествия во времени. Приедешь, когда пауза надоест.

Короткие гудки. Она повесила первой — всегда вешала первой, сколько Дэн помнил. «Чтобы ты знал, что разговор закончен, — говорила она. — Не виси в пустоте. Там ничего нет, кроме эха». Дэн смотрел на телефон, пока экран не погас. Потом перевёл взгляд на стол. Жезл, кубок, меч, монета. Открытка с сердечками, которые, кажется, улыбались.

Стив в углу — Дэн повернул голову — стоял в своём горшке, припудренный пылью. Три листа. Один жёлтый, почти коричневый, похожий на старый пергамент. Два зелёных, живых, упрямых, как бабушка. Живой. Да, живой. Но поливал он его... когда? Две недели назад? Три? Земля сухая, растрескалась по краям, как пустыня в документальном фильме.

— Стив, — сказал Дэн, чувствуя себя немного глупо, но всё равно не в силах остановиться, — ты живой только потому, что бабушка... что? Посылает тебе магию по вайфаю? Или по Bluetooth? Может, у неё безлимитный тариф на волшебство?

Стив не ответил. Он вообще никогда не отвечал. Именно поэтому он был самым лучшим собеседником — не спорил, не перебивал, не звонил в час ночи с требованиями сдать отчёт.

Дэн убрал всё обратно в коробку. Кубок, меч, монету, открытку. А жезл — не убрал. Положил на стол, рядом с ноутбуком, кружкой и пожелтевшими стикерами, которые окружали его повсюду, как назойливые кредиторы. Почему-то не в коробку. Просто так. Потому что он был тёплым. Потому что приятно лежал в ладони. Потому что, может быть, совсем чуть-чуть, на грани, которую он не признает даже себе — было интересно.

Свет в прихожей он выключил, прошёл в комнату и лёг на кровать, ощущая, как матрас принимает его уставшее тело. Но сон не шёл — он стоял где-то за дверью, ждал, когда Дэн перестанет думать.

В голове крутилось: отчёт, Уитакер, пятнадцать неначатых дел. Потом бабушка, маг, фокус. Потом жезл, буква «W». Will? Wish? Почему не «M», если она Маргарет? Или «D» — для Дэниела? Дэн закрыл глаза и представил пустой экран, мигающий курсор, который когда-то казался главным врагом. Потом представил жезл, букву «W». Она начала светиться — в картинке, которую рисовало воображение. Слабо, зеленовато, как старая неоновая вывеска над закрытым баром.

Дэн открыл глаза. В комнате темно. Только луна светит в щель между шторами — тонкая полоса на полу, похожая на лазерный луч из фильмов про ограбления. Он перевернулся на правый бок — подушка холодная, как совесть после невыполненного обещания. Перевернулся на левый — одеяло слишком короткое, ноги мёрзнут, напоминая о том, что обогреватель сломан, а вызвать мастера — это опять выбирать. Поджал колени к животу, свернулся калачиком, как Стив в горшке.

Зажмурился.

Сон не шёл — будто издевался, стоял за дверью и тихо смеялся. Мысли превращались в обрывки: цифры, таблицы, потом вдруг синие волосы бабушки, потом Генри, который храпит как трактор и воображает себя доном Корлеоне.

Тук.

Дэн открыл глаза. Тишина — только холодильник на кухне гудит ровно, как всегда, напевая свою бесконечную песню.

Тук.

Стол. Он видел край стола из кровати. Жезл лежал на месте — чёрная палка на серой столешнице, освещённая луной. Не двигалась. Может, это уже звуки из головы, и пора идти до врача? Но к врачу — это опять запись, выбор специалиста, очередь.

Тук. Тук.

Три удара. Пауза. Три удара.

Дэн сел. Сердце стучало где-то в горле — громче, чем эти деревянные звуки, громче, чем стук собственных мыслей. Он замер, слушая тишину. Казалось, все те разы, когда из темноты мог выйти монстр в детстве, собрались именно в этом моменте и наносили свои безжалостные удары прямо по нервам.

Пауза затянулась. Десять секунд. Двадцать. Дэн считал, боясь пошевелиться.

— Нет, — сказал он шёпотом, и голос прозвучал так жалко, что он сам себя испугался, — тебе показалось. Ты устал. Ты не спал нормально три дня. Это... это трубы. Дерево расширяется от тепла.

Какое тепло? В комнате холодно. Семнадцать градусов, как в холодильнике, только без колбасы.

Тук. Тук. Тук.

Ритмично, как метроном из музыкального класса, в который он ходил ровно два занятия, пока не понял, что музыка — это тоже выбор. Как старые часы, которые стояли у бабушки на кухне — их он слышал каждое лето, когда приезжал в гости, и тиканье успокаивало, обещало, что время не кончится.

Дэн встал. Пол холодный — босиком по ламинату, каждый шаг отдаётся в позвоночник. Сделал три шага к столу, отсчитывая каждый, будто это могло хоть как-то успокоить. Раз, два, три.

Жезл лежал неподвижно. Дэн протянул руку — пальцы зависли в сантиметре от дерева, не решаясь коснуться. Тепло он чувствовал даже на расстоянии — как от батареи, но батареи

были холодными, отопление отключили ещё в апреле. Желание и любопытство пересилили инстинкты самосохранения — он взял жезл.

В тот же момент стук прекратился. Тишина стала полной — даже холодильник будто притих, замер, затаил дыхание. Дэн поднял жезл до уровня глаз. Лунный свет упал на букву «W», она не светилась — просто выжженная буква, обгорелые края, как у старого костра.

— Что ты такое? — спросил он шёпотом, чувствуя, как волосы на затылке шевелятся.

Жезл не ответил. Но Дэну показалось — или он действительно чуть-чуть повернулся в ладони? Нет, не мог. Дерево не поворачивается само. Но если бы жезл действительно повернулся, то молодой человек тут же вызвал бы службу спасения и попросил доставить ему потрепанный белый халатик, который завязывается на спине. И заодно смузи с матчей — раз уж он сошёл с ума, то почему бы не попробовать экзотику?

Он положил жезл на место, отошёл к кровати, лёг, но не закрывал глаза. Смотрел в потолок, где лунный свет рисовал размытые пятна — отсветы от фар проезжающих машин, которые куда-то ехали в три часа ночи, к своим важным делам.

Но через минуту из темноты снова раздалось знакомое до дрожи звуки.

Тук. Тук. Тук.

Пауза.

Тук. Тук. Тук.

Дэн сжал одеяло в кулак так, что побелели костяшки. Закрыв глаза — и тут же открыл, потому что боялся: если закроет — пропустит что-то важное, или увидит то, чего не надо, то, что скрывается в темноте за дверью.

Стук продолжался. Ритм не менялся. Три удара, пауза, три удара. Как пульс. Как счёт, по которому он проигрывал.

Дэн попробовал считать: раз-два-три — пауза — раз-два-три. На пятнадцатом сбился, потому что пауза стала длиннее. Или короче? Или ритм сместился на четверть такта? Он не был уверен. Он сел в кровати, обхватил колени руками, сжался в комок, как в детстве, когда боялся грозы. Смотрел на тёмный силуэт жезла на столе. Тот не двигался — но стучал.

— Ты не можешь стучать, — сказал Дэн громко, будто это могло спасти его от чего-то, — ты кусок дерева. Простая палка. Даже не палка — щепка. Хлам.

Тук.

Ответ?

Дэн не ложился больше — потребность в этом отпала, будто сон испарился, оставив только бодрствование и тихий ужас. Он сидел, слушал, смотрел, как полоса лунного света медленно ползёт по полу от двери к стене, как улитка, которая никуда не спешит. Стук продолжался, иногда становясь громче — тогда Дэн вздрагивал. Иногда затихал почти до шёпота — тогда Дэн задерживал дыхание, чтобы не пропустить следующий удар.

В три часа ночи всё прекратилось. Резко. Как будто кто-то нажал на паузу, давая единственному слушателю передышку. Звук не затих — он именно оборвался, на середине, после второго удара из трёх. Третьего не случилось.

Дэн ждал. Секунду. Десять. Минуту.

Тишина.

Долгая, плотная, как стена.

Он медленно лёг на подушку — голова коснулась прохладной наволочки, и веки стали тяжелыми, неподъёмными. Тело налилось бетоном, тем самым, которым заливают дороги, чтобы никто не проехал. Дэн не спал до четырёх, но уже не слушал — он просто лежал с открытыми глазами, глядя в потолок, и думал о том, что деревяшка выстукивает ритм, которого не существует. Потому что если он существует — тогда всё остальное тоже существует. Бабушка-маг. Фигура на магической подкормке. Его собственная жизнь, которая рассыпается не от лени, а от какой-то «сбитой настройки».

И это было страшнее, чем любой стук. Любой звонок начальника. Любой мигающий курсор.

В четыре семнадцать он наконец закрыл глаза и провалился в сон без сновидений — тяжёлый, как мешок с песком, который тащишь на восьмой этаж без лифта.

А на столе жезл чуть-чуть повернулся. Совсем немного — на пару миллиметров. Так, что утром Дэн не заметил бы разницы, даже если бы специально искал. Но если бы он поставил метку — карандашом, как в дешёвых детективах, которые читают в метро, — то увидел бы, что буква «W» смотрит теперь не на окно, где ночь сменялась рассветом. А на дверь.

Глава 3

Он проспал метро.

Не то чтобы проспал — просто сел на скамейку в Куинсе, закрыл глаза на минуту, а открыл через сорок минут. Поезд стоял с открытыми дверями, и голос из динамика что-то бормотал про смену маршрута — монотонно, как учитель в школе, которого никто не слушает. Рядом спал мужчина с банкой пива между колен, и Дэн подумал, что, наверное, жизнь этого человека проще и понятнее, чем его собственная. У того есть банка пива и скамейка в метро — вот и всё, чего он хочет. А Дэн не мог сформулировать даже такое простое желание.

Он выскочил на платформу в Бруклине. Все ругательства, которые он знал, промелькнули в голове за считанные секунды, как титры в конце фильма «Назад в будущее», когда Марти возвращается в настоящее, а вокруг всё кипит и меняется. Дэн хотел обвинить метро, утро, вчерашний кофе, что угодно, лишь бы не признавать, что сам сел не в тот поезд. Но всегда легче кого-то обвинить в своих неудачах, чем принять удар на себя. Это он усвоил ещё в школе, когда списывал домашку по физике и винил во всём учителя, который «не так объяснил».

Солнце уже поднялось выше крыш, и его лучи падали на мокрый асфальт, отражаясь в лужах, как в дешёвом зеркале из комиссионного магазина. Вчерашний стук жезла — нет, не стук, показалось — остался где-то в четырех утра, в том сером часе, когда мозг отключается, а тело продолжает сидеть в кровати, обхватив колени. Дэн не помнил, как уснул. Не помнил, как проснулся. Помнил только, что утром жезл лежал на столе буквой «W» к окну. Или к двери? Он не был уверен, и это не то, чем хотелось занимать свои мысли. Вдруг он начнёт думать об этом всерьёз? Такого точно не было в его планах.

Адрес бабушки хранился в записках на телефоне: «Бруклин, Уильямсбург, северная часть, между складом и баром с зелёной вывеской». Нормальный адрес. Даже ничего магического — никаких «окраин города, где находится старый заброшенный дом возле кладбища», как в тех фильмах ужасов, которые он смотрел в подростковом возрасте и потом боялся выходить из комнаты. Дэн набрал в навигаторе — пешком двадцать минут. Он шёл и думал, зачем вообще согласился. Вчера, после звонка, он твёрдо решил не ехать. Потом не спал до четырёх, перебирая в голове все «что, если». Потом утром посмотрел на жезл — тот был холодным. Самый обычный кусок дерева, каких полно в любом парке. Ни тепла, ни стука. Дэн даже потряс его, как будто проверял батарейку в пульте от телевизора — ничего.

И всё равно поехал. Потому что если не поехать — придётся сидеть дома и смотреть на этот жезл. Или на Стива, который упрямо держался за жизнь, хотя Дэн не помнил, когда поливал его последний раз. Или на пустой экран ноутбука, где отчёт по расходам всё ещё не начат, как тот самый корабль из «Титаника», который обещал уплыть, но так и остался стоять в доке. А в Бруклине хотя бы будет понятно: бабушка спятила, всё это чушь, он возвращается домой и больше никогда не открывает подозрительные посылки без обратного адреса. Иногда порция ясности никому не помешает. Всем нужна, если честно.

Улица, которую он искал, оказалась тупиком. С одной стороны старые склады с граффити, на одном из которых был нарисован Человек-паук, почему-то в компании кота в сапогах. С другой — трёхэтажное здание из красного кирпича, облупившегося и потрескавшегося, как старая губная помада. На первом этаже висела вывеска: «Суслик». Бар. Закрыто. Днём они не работают, подумал Дэн, вспоминая, как в «Друзьях» Моника постоянно жаловалась, что её ресторан днём пустует. Рядом с баром была зеленая дверь без таблички. Пока без волшебных мётел и странных детишек в мантиях, как в «Гарри Поттере», где нужно было знать, куда стучать. Хорошо ведь? Ничего подозрительного.

Дэн позвонил — тишина. Нажал ещё раз, подержав палец на кнопке дольше. За дверью что-то громко упало, словно опрокинули ведро с краской, и кто-то выругался высоким старушечьим голосом, в котором он с трудом узнал бабушку.

— Кто там? — спросила Марго так, будто не ждала его и вообще надеялась, что за дверью окажется курьер с пищей.

— Бабушка, это я, — устало проговорил Дэн, чувствуя, как его голос звучит жалко, даже для самого себя.

— А пароль? — раздалось в ответ, и Дэн на секунду почувствовал себя участником секретного сообщества из «Клуба «Завтрак», где без пароля даже не подадут кофе.

— Какой пароль? — непонимающе спросил он, перебирая в голове всё, что бабушка говорила вчера.

— Моррисон, внук. Я же говорила, — закатывание глаз Марго тут же предстало перед внутренним взором Дэна — он бы узнал этот жест из тысячи.

— Моррисон, — сказал Дэн, чувствуя себя идиотом и надеясь, что никто из соседей не слышит этого бреда.

Замок щёлкнул, и дверь открылась, явив его взгляду лестницу. Узкую, крутую, с потёртыми ступенями, на которых, казалось, отпечатались тысячи ног. Пахло чем-то сладким — то ли шалфеем, то ли корицей, то ли тем и другим вместе, как в лавке специй из «Тысячи и одной ночи». И ещё дымом, но не сигаретным, другим, каким-то травяным, будто бабушка решила устроить ритуал изгнания нечистой силы.

— Поднимайся, — раздался голос сверху, — только осторожно, третья ступенька скрипит.

Третья скрипнула так, что Дэн подпрыгнул, будто его об этом не предупреждали. Он поднялся, держась за перила, покрытые слоями краски всех цветов радуги, и оказался в квартире, которая совершенно не походила на бабушкино жильё из его детства. Там, в пригороде, у неё был аккуратный домик с цветами на подоконнике, где пахло пирогами и старой мебелью. Здесь — пространство, которое взорвалось шестидесятью и так и не собралось, будто в неё попала машина времени, застрявшая на Вудстоке.

Пёстрые ковры на полу лежали в два слоя, один на другом, как блины на тарелке в День сурка. Стены были выкрашены в оранжевый, но краска облупилась, и из-под неё выглядывал бирюзовый — слои, как в археологических раскопках, только вместо древностей здесь была история чьего-то безудержного вкуса. На одной стене висел портрет Че Гевары — тот самый, с сигаретой и беретом, который Дэн видел на футболках студентов, считающих себя бунтарями. На другой — вышитый плакат: «Make love, not spreadsheets». Дэн прочитал дважды, потом заметил, что вместо буквы «о» в «spreadsheets» вышит маленький зелёный листок, и подумал, что это похоже на те пасхалки, которые разработчики компьютерных игр прячут для самых внимательных игроков.

— Нравится? — бабушка стояла в дверях кухни, прислонив плечо к косяку, как персонаж из старого фильма нуар, который только что раскрыл преступление и теперь ждёт благодарности.

Синие волосы сегодня были заплетены в две короткие косички, и Дэн заметил, что на одной резинке болтается пластмассовая гитара — дань уважения рок-звездам прошлого, наверное. На ней была футболка с надписью «I survived the 60s», джинсы в заплатках и носки с кактусами. Весь её кричащий образ напоминал тех людей, которые никак не хотели мириться со своим возрастом, которые хотели выглядеть гораздо моложе, как персонажи из «Мамы Мии», когда Мерил Стрип скачет по крыше. Дэн не имел ничего против самовыражения, просто другие бабушки были... другими. Они пекли печенье и вязали свитера с оленями, а не носили джинсы с дырками на коленях.

— Это я сама вышила, — Марго кивнула на плакат, — долго, правда, два месяца. Потом бросила, потому что начала терять зрение от напряжения, но закончила как-то под Рождество.

— Очень креативно, — сказал Дэн, чувствуя, как его голос сочится растерянностью и непониманием, будто он впервые увидел снег посреди июля.

— Ты хотел сказать «странно», но я не обижаюсь, — Марго улыбнулась той самой улыбкой, которая была у неё всегда, когда она знала о тебе что-то такое, чего ты сам о себе не знаешь.

Она подошла и обняла его — быстро, крепко, как всегда. От неё пахло так, будто она только что вернулась с очень сомнительной вечеринки, где вместо музыки играл джаз, а вместо канопе были сигареты и вишнёвый чай.

— Проходи, садись, — сказала она, отстраняясь и указывая на диван, заваленный подушками всех цветов, которые только можно было представить, — будешь чай? Или что покрепче? Генри вчера притащил бутылку ирландского виски. Говорит, для храбрости. Я сказала: для храбрости нужна вера, а не виски.

— Чай, спасибо, — ответил Дэн, всё ещё неловко оглядываясь.

— А Генри налил бы тебе виски, — как бы между делом добавила Марго, уходя на кухню, — но Генри спит. Он вообще много спит. Говорит, на пенсии это нормально. Я ему не верю.

Дэн сел на диван, который низко продавился под его весом, будто держал его до этого невесомого. Журнальный столик перед ним был завален: пепельница из ракушки (в ней дымился пепел наверняка от той самой сигареты, что бабушка курила вчера по телефону), колода карт «Таро. Колесо года» в потёртой коробке, на обложке которой женщина с рогами держала солнце, как Шакира в клипе, только без живота. И плюшевый ёжик с вышитыми глазами — огромными, коричневыми, как у диснеевского персонажа, который вот-вот заговорит голосом Эдди Мёрфи.

Бабушка вернулась с двумя кружками — глиняными, обожжёнными, с неровными краями, которые, наверное, сделали на каком-то мастер-классе, где все пили вино и слушали группы вроде «Битлз». Чай пах мятой и ещё чем-то — может быть, имбирем, а может быть чем-то ещё, что совсем не хочется связывать родную бабушку. Она села напротив в кресло-качалку, которое скрипнуло, как старый дуб в «Унесённых ветром», и сразу полезла в карман джинсов.

— Не против, если я... — она достала тонкую сигарету, сунула в угол рта, — это для фокуса.

— Какого фокуса? — опешив, спросил Дэн, вспоминая «Иллюзиониста» с Эдвардом Нортоном.

— Сядешь, увидишь, — усмехнулась бабушка и чиркнула спичкой — длинной, деревянной, которые продают в туристических магазинах для романтики.

Дым пах вишней. И чем-то ещё. Чем-то, от чего у Дэна слегка закружилась голова. Он молился всем высшим силам, чтобы ему показалось, и в голове услужливо заиграла песня группы «Queen» «Bohemian Rhapsody», которая всегда помогала ему расслабиться в непонятных ситуациях.

— Не переживай, — бабушка выпустила дым в потолок, где уже собиралось лёгкое облако, похожее на туман из «Сияния», — в моём почтенном возрасте уже ничего не страшно. Даже небольшая радость с филиппинских островов.

Она взяла колоду карт с столика, и Дэн только сейчас заметил, что это не обычные игральные карты. На коробке было написано «Колесо года» — Таро. Он вспомнил, что когда-то, в детстве, Марго любила раскладывать карты для своих соседок, и одни уходили от неё с радостью, другие — с оскорблениями, но все возвращались снова. Дэн никогда бы не подумал, что его бабушка не только не оставила это хобби, но и может, хотя бы на секунду, относиться к нему всерьёз, как те героини из фильмов Тарантино, которые гадают на картах перед ограблением.

— Бабушка, я не... — начал было протестовать он, но Марго подняла палец.

— Не начинай, — Она ловко сняла резинку с колоды, которую держала картонная полоска с надписью «Осторожно, магия!», — Ты пришёл, а значит, хочешь понять или хотя бы убедиться, что я спятила. Я права?

Дэн промолчал, и бабушка подарила ему лукавую улыбку, как в старые добрые времена, когда он разбил её любимую вазу и она сказала: «Ничего, это просто ваза».

— Так вот. Я не спятила. Я просто старая женщина, которая умеет то, чему вас не учат в школе. И сейчас я покажу тебе, что это за штука — магия, — она забавно провела рукой над головой, будто собиралась показать фокус с платком и Дэн подумал о кролике и с облегчением решил, что у бабушки его нет.

По крайней мере, он на это надеялся.

Марго разложила карты веером — не вытащила, а именно разложила с такой профессиональной точностью, будто могла зарабатывать этим на жизнь в Лас-Вегасе. Четыре карты рубашкой вверх. Потом она достала из-под столика знакомые предметы: жезл, кубок, меч, монету. Дэн узнал их сразу — жезл он запомнил бы из тысячи.

— Откуда они здесь? — отшатнулся он от стола, чуть не сбросив кружку.

— Я забрала их утром, пока ты спал, — бабушка улыбнулась и взяла жезл в руки, повертела, как дирижёрскую палочку, — у тебя ключи под ковриком. Это всегда было плохим местом для хранения, но ты упрямый, как твой покойный дед.

— Ты была у меня дома? Пока я спал? — спросил Дэн, чувствуя, как его брови ползут вверх, и внезапно ощутил себя героем фильма «Один дома», который обнаруживает, что пока он спал, весь дом перевернули вверх дном.

— Ты крепко спал, — пожала плечами Марго и затаилась, — даже не проснулся, когда я забирала жезл. И когда ставила чайник. И когда гладила Стива.

— Ты гладила мой фикус? — переспросил Дэн, чувствуя, что шок стал почётным гостем его головы этого утра.

— Он просил, — ответила бабушка, будто объясняла самую простую вещь на свете, — не словами, конечно. Листьями. Листья у него грустные были. Я их погладила, и они повеселели. Но хватит о пустяках, лучше смотри.

Она положила жезл на первую карту, кубок на вторую, меч на третью, монету на четвёртую. Предметы легли ровно, словно это был натюрморт, который рисовали ещё в прошлом веке.

— Четыре инструмента. Четыре части любой магии, — сказала Марго, и её голос стал спокойным и глубоким, будто она читала лекцию в университете имени себя, — Жезл — это намерение. Твоё желание что-то сделать. Не само действие, а искра до него. Кубок — желание. То, чего ты хочешь на самом деле, глубоко-глубоко. Меч — действие. Когда ты перестаёшь думать и просто делаешь. Монета — результат. То, что получается в конце.

Она откинулась в кресле и затаилась, выпустив дым в потолок.

— Твоя проблема, Дэниел, — продолжила она, — в том, что у тебя есть жезл — ты хочешь сделать отчёт. Есть кубок — ты хочешь, чтобы начальник отстал. А меча нет. Ты не можешь начать. Поэтому монета не падает.

Дэн сидел на диване, перебирая в пальцах край подушки, и думал о том, что это похоже на вступление к фильму «Властелин колец», только экскурсовод — его бабушка с синими волосами, а вместо кольца — какой-то жезл из коробки.

— Это метафора, — наконец сказал он, — красивая, но метафора. Прокрастинация — это психологическая штука. Страх неудачи, перфекционизм, всё такое. Об этом даже книги пишут, и их продают в супермаркетах у кассы.

— А откуда берётся страх неудачи? — бабушка перегнулась вперёд, опираясь локтями на колени, и её глаза — выплывший голубой, как февральское небо — смотрели прямо в его глаза, — Из головы? Или из чего-то, что сидит глубже? Когда ты был маленьким, ты не боялся.

Ты брал любую деталь пазла и пытался её пристроить. Даже если она не подходила. Что изменилось?

Дэн не ответил. В голове крутились десятки воспоминаний, подтверждающих её слова, но он не спешил соглашаться. Что-то в этом было слишком отталкивающим, слишком неправильным, как та сцена в «Матрице», когда Нео узнаёт правду об окружающем мире и думает, что это шутка.

Бабушка перевернула первую карту — ту, что под жезлом. Дэн увидел рисунок: человек с посохом, стоящий на вершине горы, над ним — знак бесконечности, как в логотипе компании по производству батареек.

— Маг, — сказала Марго, — символично. У тебя есть инструменты. Но ты не знаешь, как их использовать.

Она перевернула вторую карту. Жрица. Луна, гранаты, свиток. Женщина с короной и загадочной улыбкой, которая знает больше, чем говорит.

— Твоё желание — не отчёт, — продолжала бабушка, — отчёт — это повод. Ты хочешь, чтобы тебя оставили в покое. Или чтобы тобой гордились. Или чтобы ты сам собой гордился. Я угадала?

— Бабушка, карты не работают так... — начал было Дэн, но Марго уже подняла руку.

— А как они работают? — спросила она, прищурившись, и перевернула третью карту.

Меч. На рисунке была женщина с завязанными глазами, держащая меч остриём вверх. Справедливость, беспристрастная и холодная, как зимний ветер.

— Действие, — бабушка погладила карту пальцем с обкусанным ногтем, покрытым блестящим лаком, — ты должен сделать выбор. Но ты не делаешь, потому что боишься ошибиться. Правильно?

Дэн сжал кружку, и его костяшки побелели, будто он сражался с врагом. Керамика была тёплой, почти горячей, и он подумал, что, когда всё это закончится, он закажет себе пиццу, сядет перед телевизором и посмотрит что-нибудь простое, где не нужно выбирать.

— А теперь четвёртая, — бабушка перевернула последнюю карту, и Дэн увидел человека с котомкой за плечами, который шёл к краю обрыва, не глядя под ноги, солнце светило в спину, а внизу плескалось море, — Монета. Твой результат.

— Шут, — сказала Марго, — ну, символично.

— Это оскорбление? — спросил Дэн, нервно усмехнувшись, и почувствовал, как внутри поднимается волна раздражения.

— Это не оскорбление, — покачала головой бабушка и отложила сигарету в пепельницу, — шут — это тот, кто начинает путь. Он ничего не знает, у него нет плана, он может упасть в пропасть — а может взлететь. Все великие маги начинали как Шуты.

Дэн хотел сказать что-то остроумное, но в этот момент его кружка, которую он машинально поставил на край столика, наклонилась и опрокинулась. Чайная река разлилась по столешнице, стекла на цветастый ковёр и начала впитываться в ворс, оставляя тёмные пятна, похожие на карту неизведанной страны.

— Извини, — пробормотал Дэн, наклоняясь, чтобы поднять кружку, и ударился головой о край стола.

— Пустяки, — бабушка махнула рукой, и Дэн готов был поклясться, что чайное пятно начало уменьшаться прямо на глазах, втягиваясь в ковёр, словно его никогда не было, — всё впитывается. И хорошее, и плохое. Хочешь посмотреть семейный альбом?

Дэн не хотел. Он хотел выбежать из этого странного обиталища престарелых хиппи, как герой фильма ужасов, который наконец нашёл выход. Хотел выкинуть из головы мысль о том, что он имеет какие-то способности, а полученные предметы — выбросить в ближайший водоём, следом за телефоном, который разрывался от звонков начальника. Он много чего

хотел, но почему-то остался на этом странном диване, со странными подушками и странными сухими коврами под ногами, на которых не осталось никаких следов от чая.

Марго уже встала, прошла к полке, сняла толстую папку в кожаном переплёте, потёртую по углам, как старая Библия. Плюхнулась обратно в кресло, и оно приятно скрипнуло, словно здороваясь с хозяйкой.

— Смотри, — позвала она внука, открывая альбом на первой странице.

Фото было чёрно-белым, края обожжены, будто кто-то держал его над свечой. Мужчина в военной форме — сороковые, пилотка, усы, как у комиссара Рекса из старого сериала, только без собаки. В руке он держал жезл — точно такой же, как тот, что лежал сейчас на столике. Дэн узнал бы это тёмное дерево и глубокие царапины из тысячи.

— Твой прадед Иосиф, — пояснила Марго, — Джо, как он просил себя называть, потому что в Америке с подобным именем тогда было сложновато. В армии служил в хозяйственном взводе.

— И что он делал с жезлом? — спросил Дэн, всё ещё надеясь на рациональное объяснение.

— Суп размешивал, не вставая из-за стола, — усмехнулась бабушка и указала на фото, — видишь, вокруг него ложки парят? Три штуки. Он мог крутить их одновременно. Начальство думало, что это фокус, а он просто не хотел вставать. Ленивый был, как ты.

Дэн вгляделся в фото, и ему показалось, что он видит размытые силуэты в воздухе вокруг головы прадеда. Он потёр глаза, вспомнив, что так делают персонажи аниме, когда не могут поверить в происходящее.

— Монтаж, — уверенно сказал он, отводя взгляд.

— Конечно, — кивнула бабушка и перевернула страницу, — в сорок третьем у них были все доступные графические редакторы, прямо на коленке всё делали.

На новой фотографии была женщина в длинной юбке, стоящая на фоне зимнего сада. Снег за окном, голые ветви — и у её ног распустились розы. В декабре.

— Прабабка, по маминой линии, — продолжала Марго, — она могла заставить цвести что угодно. Даже кактусы. Однажды на спор вырастила ромашку в морозилке. Соседи думали, что она пациент психиатрического отделения.

— А она была... — не веря, начал Дэн.

— Магом. Да, — кивнула бабушка, — как и твой дед. Как и я. Как и ты.

Она перелистывала страницы, и Дэн смотрел на лица своих родственников. Строгие, улыбающиеся, усталые. И у всех было что-то объединяющее: жезлы, кубки, мечи, монеты. На одном фото из пустой кружки шёл дым. На другом — в воздухе парила книга, раскрытая на середине, как будто кто-то только что её читал и отвлёкся на звонок. На третьем — кот смотрел в камеру, а на его лбу светилась маленькая точка, похожая на светодиод от старого телевизора.

— Я никогда этого не видел, — сказал Дэн, разглядывая снимки и чувствуя, как его скептицизм даёт трещину, как старая стена, — ты не показывала.

— Ты не спрашивал, — легко ответила Марго и закрыла альбом, — и вообще, в подростковом возрасте ты сказал, что «вся эта эзотерика — для дураков». Помнишь? Я обиделась. Но потом подумала: пусть сам придёт.

Дэн закрыл альбом, провёл ладонью по кожаному переплёту. Кожа под пальцами была тёплой — как жезл прошлой ночью. Или это его руки нагрелись, он уже не мог разобрать.

— Зачем ты мне всё это показываешь? — спросил он, глядя на бабушку.

Марго докурила сигарету, затушила о край пепельницы-ракушки — раз, другой, третий, добивая остатки дыма. Посмотрела на него долгим взглядом, тем самым, который всегда предвещал что-то важное.

— Потому что ты последний, — на выдохе сказала она, и в её голосе впервые за этот разговор послышалась усталость, настоящая, не игровая.

— В смысле? — переспросил Дэн, чувствуя, как его сердце начинает биться быстрее, и вдруг понял, что боится ответа больше, чем звонка начальника в час ночи.

— В прямом, — Бабушка взяла с колен плюшевого ёжика, повертела его в руках, и Дэн заметил, что её пальцы слегка дрожат, — род прервётся на тебе. У меня больше нет детей. У твоей матери нет. У твоих тёток — тоже. Только ты. Если ты не научишься — ну, хотя бы не научишься, а просто примешь — магия уйдёт. Навсегда. Как тот родник в парке, который засыпали строителями, когда ты был маленьким. Помнишь, ты плакал, потому что там водились лягушки?

Дэн замер. Рука, которой он держался за подлокотник дивана, застыла, костяшки побелели. Просыпаясь сегодня утром, он не был готов к ответственности за целый род. А уж с магическими корнями — тем более.

— То есть... — он сглотнул и кивнул на столик, где лежали карты и инструменты, — если я не стану магом, то всё это исчезнет?

— Не исчезнет, — покачала головой Марго, — просто больше никто не сможет пользоваться. Буквально — способность умрёт. Как хвост у ящерицы, который отпал и не вырос.

— Это... — Дэн сглотнул, чувствуя, как в горле пересохло, и потянулся к кружке, но она была пуста — он выпил чай, не заметив, — Это большая ответственность.

— О да, — бабушка улыбнулась и посмотрела на него с выражением, которое Дэн видел в фильмах про мудрых наставников, когда они передают меч герою, — ты хотел лёгкую жизнь бухгалтера? Не выйдет, не в этот раз.

Она положила ёжика на столик — тот уткнулся носом в колоду Таро, и Дэн подумал, что если магия всё-таки реальна, то этот ёж может оказаться куклой вуду. Или ему просто пора к психологу.

— И ещё, Дэниел, — добавила Марго, наклоняясь вперёд, и её глаза загорелись тем самым лукавством, которое заставляло его в детстве проверять, не прячет ли она за спиной очередной сюрприз, — если ты провалишь задание, то твой фикус засохнет.

— Что?! — Дэн вскочил с дивана, подушки разлетелись в стороны, как кегли после удара.

— Шучу, — бабушка засмеялась — высоко, звонко, по-девчоночьи, — твоё лицо! Надо было сфоткать. Отправила бы в семейный чат, который ты игнорируешь уже полгода.

Дэн выдохнул — воздух вышел со свистом, и он только сейчас заметил, что задерживал дыхание.

— Это не смешно, — обиженно произнёс он, складывая по-детски руки на груди.

— Смешно, — отрезала Марго, но её голос смягчился, — ладно, слушай серьёзно. Твой фикус грустит. Я правду говорю. Он грустит, потому что ты с ним не разговариваешь. Растения любят внимание, Дэниел. Им нужен голос. Даже если ты говоришь ерунду, они слышат.

— Ты сейчас серьёзно? — спросил Дэн, представляя, как его фикус Стив подслушивает его жалобы на начальника после работы.

— Абсолютно, — дёрнула плечами Марго, — Стив, между прочим, жаловался мне. Сказал, что ты включаешь телевизор, но не разговариваешь. Что ты проходишь мимо и даже не смотришь в его сторону. Это жестоко, Дэниел.

Дэн посмотрел на бабушку. На ёжика. На карты Таро. На Че Гевару на стене. На дым, который всё ещё висел под потолком, медленно расплываясь в стороны, как облако на замедленной съёмке. В голове промелькнула мысль: а эти общества по защите окружающего мира смогут наказать его за то, что он не разговаривает со своим комнатным растением? Может, за это и реальный тюремный срок дают, как в тех фильмах, где полиция арестовывает людей за экологические преступления?

— Ты говоришь с моим фикусом? — спросил он, и в его голосе появились нотки смирения, которые он сам в себе не узнавал.

— Я говорю со всеми растениями, — ответила Марго, — они хорошие слушатели, преданные. Лучше, чем люди. У растений нет предвзятости.

Она встала, подошла к окну и выглянула на улицу, где виднелась крыша соседнего склада с граффити — единорог, летящий на ракете, на фоне звёзд.

— А если серьёзно, — сказала она, не оборачиваясь, — я не жду, что ты сразу согласишься. Не жду, что бросишь работу и станешь колдовать. Но я прошу тебя: дай шанс. Приходи раз в неделю. Мы будем пробовать. Если через месяц ты скажешь «это ерунда» — я отстану. И подарю тебе нормальный подарок на день рождения. Например, носки.

Дэн молчал. В голове крутилось: последний в роду. Род прервётся. Фикус грустит. Карта Шута. Носки вместо жезла, который умеет переворачиваться и стучать по ночам.

— У меня работа, — сказал он, почти оправдываясь.

— Работа подождёт, — Марго обернулась и посмотрела на него с высоты своего роста — не физического, а какого-то внутреннего, уверенного, — у тебя же всё равно ничего не делается, да? Твой отвратительный начальник легко может дать тебе несколько недель отпуска, доверься бабушке.

Дэн хотел возразить, но слова застряли в горле. Она была права. Он сидел перед пустым экраном и боялся, как мышь перед котом. И эта мышь уже столько раз уверяла всех, что она просто отдыхает, набирается сил.

— Ты не можешь даже отчёт написать, Дэниел, — голос Марго стал мягче, почти шёпотом, — что ты теряешь?

Он потерял уже столько времени, что счёт шёл на годы, но этот месяц — месяц проб и ошибок — казался вечностью и мгновением одновременно.

— Ладно, — сказал он, чувствуя, как его тело обмякает на диване, и Дэн понял, что проиграл эту битву ещё до её начала, — один месяц.

— Отлично, — бабушка хлопнула в ладоши, и плюшевый ёжик на столике подпрыгнул, упал на бок и замер, но Марго не обратила на это внимания, — тогда начинаем завтра. В восемь утра.

— В восемь? — опешил Дэн. — Я работаю.

— Ты не работаешь, — терпеливо повторила Марго, — ты сидишь в офисе и смотришь на курсор. И тебе точно дадут отпуск, просто поверь.

Она подошла, взяла его за плечи, поцеловала в лоб — сухими, тёплыми губами, пахнувшими вишнёвым дымом. Она всегда так делала, когда он уезжал от неё в детстве, и ему хотелось плакать, но он держался.

— А теперь иди, — мягко улыбнулась она, — я дам тебе с собой пирожков. И жезл не забудь. Он скучает без тебя.

Дэн спустился по скрипучей лестнице, держась за перила. В руках у него был пакет с пирожками (с капустой, его любимые) и жезл, который бабушка сунула в пакет, сказав «потеряешь — найдётся, но лучше не теряй». На улице солнце било в глаза, отражаясь от витрин и блестящих крыш автомобилей. Склад с единорогом выглядел обычно. Бар «Суслик» был закрыт. Мир вокруг выглядел так, будто ничего не случилось, будто этот город не заметил, как жизнь одного его жителя перевернулась на все мыслимые и немыслимые градусы.

Дэн шёл к метро и думал: «Последний в роду. Шут. Фикус грустит».

Какая же это глупость. Всё это. Весь разговор. Весь день. Но он уже знал, что завтра в восемь утра будет здесь. Потому что если не прийти — придётся сидеть дома, смотреть на жезл и слушать, как он стучит. А стук он слышал уже сейчас. В голове.

Глава 4

Он пришёл ровно в восемь. Не потому что хотел — никогда бы он в таком бреде не признался. Просто не спал всю ночь, пересматривая в голове сцену из «Матрицы», где Морфеус предлагает Нео выбрать между красной и синей таблеткой, и решил, что лучше двинуться с места, чем ещё час паяться в потолок, воображая себя Киану Ривзом в дешёвом костюме.

Бабушка уже ждала на крыльце, прислонившись плечом к косяку. В руках две кружки, пар идёт, пальцы обхватили керамику так крепко, будто она боялась, что кружки сбегут. Кофе пах корицей и чем-то ещё — то ли мускатным орехом, то ли тем самым вишнёвым дымом, который Дэн уже начинал узнавать из тысячи. Она сунула одну кружку Дэну, даже не спросив, хочет ли он, просто ткнув ему в грудь, и горячий кофе плеснулся через край, обжигая пальцы.

— Ты опоздал на три минуты, — сурово отчитала его бабушка, сделав глоток, а после поморщилась — то ли от горечи, то ли от того, что внук не умеет пользоваться часами.

— Метро задерживалось, — без зазрения совести соврал Дэн, отряхивая руку от капель.

На самом деле он пять минут стоял у двери квартиры, сжимая в руке жезл, и уговаривал себя не возвращаться в постель, как персонаж из «Дня сурка», который наконец понял, что единственный выход — измениться самому. Скорее всего, со стороны он выглядел комично, но в тот момент его это не волновало. Комичным было то, куда он собирался, и само предположение, что он мог там делать.

— Метро не задерживается, — Марго повернулась и зашагала вниз по улице, её синие косички прыгали на плечах, как персонажи из старого мультфильма про банду гангстеров, — это ты задержался. Идём скорее, они уже заждались.

— Кто это «они»? — спросил Дэн, нащупывая в кармане монету с дырочкой, которую носил на всякий случай, как талисман, понимая, что к командной работе он был не готов.

— Увидишь, — отрезала бабушка, не останавливая шаг.

Дэн поплёлся следом, отхлёбывая кофе. Горький, слишком горячий — язык защипало, будто он лизнул батарейку, когда в детстве проверял, работает ли электричество. Не это ли волшебное комбо для начала самого лучшего волшебного утра?

Бар «Суслик» снаружи выглядел как обычная бруклинская забегаловка, каких сотни. Дэн подумал о таверне из «Гарри Поттера», где собираются волшебники, но здесь не было ни волшебных мётел, ни странных существ в котелках. Зелёная вывеска с облупившимися буквами напоминала о тех старых кинотеатрах, которые показывают чёрно-белые фильмы про Чаплина. В окнах решётки, за ними темнота. Дверь обита чёрным железом, без ручки — только толстая металлическая пластина, которую надо толкать плечом, как в фильмах про тюремные побеги. Дэн толкнул, и дверь поддалась со скрежетом, как будто её не открывали неделю.

Внутри было сумрачно. Окна забиты фанерой, свет только от нескольких бра на стенах — тусклых, жёлтых, как уличные фонари из «Бойцовского клуба» в сценах, где герои встречаются в подвалах. Пахло пивом, пережаренным маслом и дешёвым табаком. Под всем этим — что-то сладкое, приторное, похожее на ванильный освежитель, которым пытались задушить первые три запаха. Дэн сдержал чих, но очень хотелось чихнуть так, чтобы лёгкие проверили свою прочность.

За стойкой стоял мужчина. Лет пятьдесят, лысый, на шее татуировка — якорь, обвитый верёвкой, с надписью «Brooklyn» выцветшими буквами, как морской волк из «Пиратов Карибского моря», только без попугая. Он протирал стакан грязной тряпкой, хотя стакан и так был мутным, с разводами, как стекло в машине после дождя. Увидел бабушку и кивнул — коротко, как солдат отдаёт честь. Увидел Дэна и усмехнулся. Не зло, а так, по-свойски, но с лёгким превосходством, как смотрят на новобранца в сериале «Клан Сопрано», который ещё не знает,

что его ждёт. Отличное приветствие — Дэн почувствовал себя Нео перед первой встречей с агентом Смитом.

— Маркус, это мой внук, — сказала бабушка, подходя к стойке и ставя на неё пустой стаканчик из-под кофе так, что тот звякнул о дерево, — не пугай его в первый же день своими глазёнками.

— Я и не пугаю, — ответил Маркус, отложив стакан и тряпку на край стойки.

Он достал из-под стойки бутылку тёмного стекла — без этикетки, с мутным содержимым, похожим на что-то самодельное, — отхлебнул прямо из горла, потом вытер рот тыльной стороной ладони. Во всём этом было столько показной уверенности, что аж дурно стало. Дэн вспомнил героя из «Крепкого орешка», который так же пил виски перед тем, как спасать заложников.

— Просто смотрю, — мужчина пожал плечами, и его шея с татуировкой напряглась, — новенькие всегда забавные. У них глаза такие круглые, как у оленей при свете фар.

Маркус перевёл взгляд на Дэна и прищурился, будто выбирал, с какого бока удобнее атаковать. Дэн опять ощутил это мерзкое чувство — он лесная мышка, существование которой так и осталось вопросом, а на него уставился голодный лис. Он хотел сказать что-нибудь острое, как в любимых диалогах Квентина Тарантино, но в голову пришло только «приятно познакомиться», а это звучало бы идиотски. Поэтому он просто кивнул, и его голова дёрнулась, как у марионетки.

— Проходите, — Маркус махнул рукой в сторону двери за стойкой, которая была ржавой, обитой жёстью, с ручкой-скобой, похожей на ту, что закрывали бункеры в играх про зомби-апокалипсис, — Ирма уже ждёт внизу.

Бабушка двинулась первой. Толкнула дверь плечом, но та не поддавалась. Пришлось ударить бедром и чертыхнуться коротко и не по-английски. Дэн не понял слова, но интонацию уловил — так ругаются только в европейских фильмах, когда герои не могут открыть калитку в деревне. Дверь со скрипом открылась, за ней оказалась лестница. Крутая, деревянная, ступени стёрты до ложбин посередине, как будто по ним прошли тысячи ног. Пахло бетонной пылью, старыми газетами и будто корицей, но не свежей, а залежавшейся.

— Осторожно, — сказала бабушка, уже шагнув вниз и держась за перила, — третья ступенька шатается.

— Как в твоей квартире, — буркнул Дэн, но бабушка не ответила или не услышала.

Он насчитал тринадцать ступеней — число, которое в фильмах ужасов всегда сулит неприятности, вспомнилась «Пятница, 13-е». Третья и правда шаталась, даже под ногой прогнулась, и Дэн схватился за стену, чтобы не упасть. Стена оказалась холодной, шершавой, в краске, которая осыпалась под пальцами, как старая штукатурка в заброшенных домах. Внизу горела одна лампочка — голая, на проводе, без абажура, висела низко, на уровне лица, и светила в глаза так, что пришлось прищуриться. Свет был жёлтым, болезненным, как в больничном коридоре из «Доктора Хауса», только без надежды на диагноз. Обстановка напомнила клуб анонимных алкоголиков из американских фильмов — те же складные стулья, те же тени на лицах. Дэн такие сборища не посещал, но впечатление было определённо схожее.

Людей было трое.

Они сидели на складных стульях в центре комнаты. Стулья ржавые, пластиковые сиденья потрескавшиеся как корка старого пирога. Между ними — низкий столик из грубого дерева, похожий на строительную паллету, которую забыли убрать после ремонта. На столике пепельница из ракушки, пачка чипсов, блокнот и кружка с отбитым краем.

Парень в худи поднял голову первым. Лет двадцать пять, смуглый, чёрные волосы собраны в маленький хвостик на затылке, как у героя фильма «Мачете» в перерыве между подвигами. На щеке родинка, похожая на маленький материк. В руках красный пакет «Doritos»,

из которого он вытряхивал чипсы прямо в рот — громко, с хрустом, не закрывая рта, как будто снимался в рекламе закусок для стримов.

— О, новенький! — сказал парень, прожёвывая, отчего крошки посыпались на худы, как первый снег в Нью-Йорке, — А я думал, ты не придёшь, даже ставил на это. Я Хуан.

Он протянул руку. Пальцы в оранжевом порошке от чипсов, как после поедания сырных шариков в детстве. Дэн пожал — ладонь стала липкой, и он еле подавил желание отряхнуть руку и достать антисептик, который всегда носил в кармане после пандемии.

— Дэн, — представился Дэн, стараясь не скривиться, и убрал руку за спину, незаметно вытирая о джинсы.

— Дэн, значит, — Хуан кивнул, вытер руку об джинсы (бесполезно, ткань стала такой же оранжевой) и сунул в пакет за новой порцией чипсов, — держи, угощаю.

Он сунул пакет Дэну под нос, запах сыра и химии ударил в лицо, как волна из открытого окна машины в летнюю пробку. Интересно, есть ли магия, связанная со снеками? Если да, то этот Хуан был бы самым великим магом в этой области — Дэн представил, как парень колесит по стране, проводит закрытые уроки по призыву чипсов из пустого пакета.

— Ты какой любишь? Начос? С беконом? — вырвал Дэна из размышлений Хуан, поднося пакет ближе к его носу.

— Я сыт, спасибо, — сказал Дэн, отодвигаясь вместе со стулом и с грохотом проехавшись ножками по бетонному полу.

Рядом с Хуаном сидела девушка. Русые волосы собраны в высокий хвост, на носу очки в чёрной пластмассовой оправе — слишком большие для её лица, как у героини из «Секретных материалов», которая постоянно что-то записывает. Она не подняла головы — смотрела в блокнот, который лежал на коленях. Писала карандашом, быстро, почти без нажима. Бумага была исписана мелким почерком, строчки бежали вверх, не помещаясь на странице, как будто мысли обгоняли руку.

— Это Диана, — сказала бабушка, подходя к столику и садясь на свободный стул, который скрипнул под её весом, — она всё записывает. У неё память как у решета, но если записать, то помнит годами. Даже то, что не надо помнить.

— Приятно познакомиться, — буркнула Диана, не отрываясь от записей, только бровь чуть приподнялась над оправой.

Карандаш чиркнул, сломался. Она достала из кармана точилку и начала точить, не глядя — механически, как робот из «Я, робот», выполняя программу. Дэн подумал, что это тоже какая-то магия — довести действие до автоматизма, чтобы не отвлекаться от главного.

— Марго много о тебе рассказывала, — внезапно добавила девушка, всё ещё уставившись в блокнот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.